

Марина
Ефиминюк
ПЕРВАЯ
НЕВЕСТА
ЧЕРНОКНИЖНИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ефиминюк, Марина.

Е91 Первая невеста чернокнижника : [роман] / Марина Ефиминюк. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези).

ISBN 978-5-17-117076-9

Знаете, как это бывает? Живешь себе, радуешься, никого не трогаешь... а потом попадаешь. В прямом смысле этого слова. Попадаешь в темный замок, стоящий на границе миров. Хозяин славного места привлекательный и обходительный, мало что чернокнижник. Да и все жители подозрительно приветливые... как будто что-то скрывают. В общем, в гостях хорошо, но дома лучше! Никаких воскресших умертвий, черных гримуаров и тайных проклятий. Вернуться бы в родной мир, но только кто меня отпустит?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117076-9

© М. Ефиминюк, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА 1

НИКОГДА НЕ ВЕРЬ ЧЕРНОКНИЖНИКАМ

Никогда Эверт Ройбаш, ученик чернокнижника, не закапывал могилы быстрее, чем этой ночью! По грязному лицу тек пот, натруженные мышцы горели, рубашка прилипла к взмокшей спине. Силы были на исходе, а покойная ведьма Ирис Керн была зарыта только наполовину. Эверту хотелось во весь голос проклясть тот день, когда в буйном помешательстве (иначе не скажешь) он постучался в двери замка Мельхом и пошел в ученье к чернокнижнику Макстену Керну.

Эверт на секунду остановился и крепче перехватил лопату. Что ж он послушался маменьку и не выбрал белую магию? Лет через десять открыл бы собственную практику, сеял бы на земле добро. Люди бы его страшно любили, каждый день из благодарности приносили бы свежий хлеб, а по осени — большие пузатые тыквы. Эверт обожал кашу с тыквой, но черный прислужник Хинч отвратительно готовил, а кухарки в замке не задерживались.

Хотя было странно думать о еде, закапывая труп дворянской прабабки Керн. Не после того, как старая перчица восстала из могилы во время призыва энергии Вселенной.

Ведь ничто не предвещало беды!

Учитель не возвращался в замок второй месяц, черный гримуар неожиданно расщедрился на заклинание и не куснул пальцы магическим разрядом. Ночь выдалась тихая, безветренная и ясная. Комета в черном небе горела так ярко, что была видна невооруженным глазом. Как не воспользоваться случаем и не собрать космической силы?

Эвэрт ни разу не отошел от инструкции, выданной гримуаром. Вырезал на пяточке между могилами красивую пентаграмму, четко и громко произнес заклинание. Мощный луч вырвался из земли и ударил в ночное небо. Маг прикрыл глаза, расставил руки, готовый принимать щедрый поток энергии. Он ждал и злорадно ухмылялся от мысли, что теперь станет сильнее Макстена Керна, чернокнижника в демон знает каком поколении, но тут почувствовал, как что-то, вернее, кто-то схватил его за штанину. Приоткрыв один глаз, Эвэрт покосился вниз. Из могилы высовывалась синюшная женская рука с черными когтями.

Керны разной степени свежести и сохранности полезли из земли, как весенние ландыши в оранжерее замка Мельхом. Сложнее всего пришлось с дядькой Идрисом. Он был разобран по частям. Череп служил для проведения обрядов, а иногда в качестве пресса для писчей бумаги. Едва почерневший скелет вылез, как рванул в сторону замка, видимо, желая вернуть голову на место. Эвэрт насилу поймал беглеца. Пока тащил обратно, сломал ожившему покойнику ногу, выдернул из плеча руку, отодрал пару ребер.

Если учитель узнает, точно погонит из Мельхома ведьмовской метлой (одна как раз хранилась в чулане). О наказании ученику чернокнижника думать не хоте-

лось. Оставалось вернуть полуистлевшие тела в вечный сон, закопать и забыть о позоре.

Когда дело было кончено, Эверт растянулся между свежими могильными холмиками и уставился в ночное небо. На душе скребли кошки. Разве он виноват в случившемся беспорядке? Наверняка в этом столетии над замком Мельхом пролетала неправильная комета и колдовство она создавала неправильное! Поверит ли Макстен, если соврать, будто он решил на кладбище огородик перекопать? Травки всякие выращивать: укроп, белладонну, мандрагору... Может, сказать, что хотел могилки обновить? Необъяснимая тяга ученика к физическому труду по-любому выглядела крайне подозрительно.

Неожиданно в ночной тишине прокатился басовитый раскат грома. На линии горизонта вспыхнул золотистый сполох. Эверт сел. Внутри родилось подленькое предчувствие надвигающейся беды. Будущий чернокнижник отчаянно надеялся, что кроме энергии Вселенной, оживляющей мертвецов, больше ничего не призвал в магический мир.

— Помоги мне, Боженька, — осенил он грудь святым знамением. Хотя, конечно, вряд ли светлые боже-ства решились бы помочь адепту черной магии. Похихикать в сторонке — запросто, а спасти шкуру неумелого школяра от гнева скорого на расправу учителя — ни за какие молитвы.

Умные люди утверждают, что начинать историю с пробуждения — это страшный моветон, дурной вкус и отсутствие авторской фантазии. С фантазией у меня

все в порядке, поэтому для ценителей высокого стиля: сначала я легла спать, потом умерла, а после уже проснулась.

Никаких сомнений в том, что во сне меня отбортвало в мир иной, не возникало. Ведь только неожиданной смертью можно было объяснить, почему я укладывалась спать в свою кровать, а проснулась в чужой. Да еще и в незнакомой комнате с антикварной мебелью, словно сворованной из музея.

Может, в наш дом влетела комета? Вчера в вечернем шоу говорили, что к Земле неумолимо приближалось смертоносное небесное тело. Грозили, что скоро планета накроется медным тазом, ни один супергерой не поможет. Я только издевательски хмыкнула и выключила телик, а, глядите-ка, похоже, после полуночи действительно случился звездный апокалипсис.

Кое-как я сползла с кровати, встала босыми ногами на холодный пол. Тело ломило от пересыпа, и особенно болела шея — голову не повернешь. Вообще, понимаю, что вопрос риторический, но как после смерти может что-нибудь болеть? Неторопливо (куда торопиться, если уже все кончено) я доковыляла до окна и обнаружила, что мое посмертное пристанище смотрело ровнехонько на каменную башню... То есть меня отправили в рай эконом-класса с видом на чужие апартаменты.

И в раскрытом окне этих самых апартаментов счастливо потягивался голый взлохмаченный мужик.

Заметив в нескольких метрах заспанную девицу, он резко сгруппировался, прикрыл непотребство и отшатнулся в сумрачную глубину. Сказать откровенно, наличие ангельского соседа в чем матушка родила и без крыльев немало удивляло. Тогда-то в туманной спросонья

голове родилась трезвая и исключительно тревожная мыслишка...

Если я жива, а это не райские кущи, то... Черт подери, куда я попала? Замок, антикварная обстановка, ткань на стенах вместо обоев. Меня забросило в прошлое?!

Я завернулась в одеяло, прикрыв легкомысленную пижаму, и направилась к дверям. Телу стало тепло, даже жарковато, зато босым ногам было холодно. Жаль, что следом за мной в прошлое не провалились домашние тапочки. Высокие створки торжественно распахнулись сами собой, явив пустой светлый коридор с каменными стенами. Это было совершенно нелепо, но я задрала голову к притолоке и проверила, не висел ли датчик движения, как у раздвижных дверей супермаркета. Было бы странно, если бы он обнаружился. Людей, открывших передо мной проход, как перед королевой, тоже не наблюдалось. Стало жутковато.

Осторожно выглянув, я проверила коридор и крикнула:

— Эй! Кто-нибудь есть?

В фильмах ужасов зов разнесся бы на половину замка, но в реальности потолки высотой не отличались и были не способны рождать эхо. Тишина казалась глухой и неприятной. Я решила высунуться из комнаты и осмотреться. Пространство затапливал естественный свет. Быстрым взглядом я мазнула по окну... и шокированно повернулась всем корпусом, ведь пейзаж выглядел поистине фантастическим.

Замок накрывал прозрачный купол. Внутри светило яркое утреннее солнце, поле за замковой стеной цвело и зеленело, но дальше словно прочерчивалась невидимая линия, за которой царил зима. Низкое небо давило на землю, воздух казался серым, коченели от мороза уто-

пленные в высоких сутробах голые деревья. Может, меня утатило ночью вовсе не в прошлое, а в сказку? Очень мутную сказку.

— Обалдеть!

За спиной прозвучали чужие шаги. Я оглянулась. Не-высокий коренастый мужчина в черном костюме замер посреди коридора. Лицо пришельца выглядело молодым, но волосы, забранные в аккуратный хвостик, были седы до желтизны.

— Где мы? — резко вымолвила я.

Он закатил угольно-черные глаза и ни с того ни с сего свалился как подкошенный, словно его убило силой звука.

— Что с вами? — выпалила я и, не раздумывая, бросилась на помощь к раскинувшему руки мужику. Бухнулась на колени и заглянула в побелевшее лицо с синими губами. Похоже, от изумления у бедняги случился сердечный приступ! Трясущейся рукой я попыталась нащупать на шее пульс. Кожа оказалась ледяной, как у мертвеца.

Когда от ужаса я почти пустила жалобную слезу, зазвучали новые шаги. Человек явно бежал. В коридор, придерживая за пояс штаны, ворвался сосед из окна. Слава богу, он успел одеться. Рубашка была вывернута наизнанку, шнуровка на гульфике развязана. Светлые волосы торчали в разные стороны, а в глазах застыла паника. Он был младше, чем мне показалось издали, примерно лет двадцати.

Обнаружив, что незнакомка из соседних апартаментов смыкает пальцы на горле бездыханного друга, он тоже остолбенел. Я почти решила, что сейчас блондин закатит глаза и рухнет с приступом, но он замахал руками и что-то заговорил на непонятном языке, словно умолял оставить жертву в покое.

— Я не виновата, что он умер! — переходя на английский, выпалила я.

— А? — Парень для чего-то поспешно начал затягивать распущенную шнуровку на штанах.

— *Ду ю спик англиш?*

Умом-то я осознавала, что если человек говорил на тарабарском, то на каком языке ни ответь, все равно не поймет. Однако сработал рефлекс, записанный на подкорку, как у собаки Павлова. Со школьной скамьи вместе с неправильными глаголами мне вдалбливали, что если заговорить с иностранцем по-английски, он тебя всенепременно поймет.

Однажды я заблудилась в китайском городе Гуанчжоу, стояла на переходе над широченным проспектом и по-английски пыталась выяснить у прохожих, где находилась автобусная остановка. С таким же успехом я могла спрашивать на французском, румынском, корейском или на диалекте вымирающего племени папуасов Новой Гвинеи. Официально заявляю, если вы попали в Китай или в странный замок на краю света и не знаете местного языка, то смело говорите по-русски. Где находится остановка до дома, все равно не выясните, но, по крайней мере, не почувствуете себя кретином.

В этот драматичный момент, когда стало ясно, что у нас с блондином общий — только язык жестов, покойник резко открыл черные глаза и, с сипом втягивая воздух, сел. Взвизгнув, я отпрянула от ожившего трупа и выдала емкое нелитературное ругательство, точно отражавшее мое отношение к происходящему.

Через пятнадцать минут с отшибленным задом и замерзшими ногами я сидела в столовой и, чувствуя себя пойманым врагами лазутчиком, осторожно осматривалась. В просторном помещении скалил черную пасть

огромный камин с кованой решеткой. Солнце проникло сквозь высокие окна и рисовало на начищенном паркете вытянутые клетки. Снаружи зеленела лужайка, а вокруг царил пугающая тишина, как в склепе.

Честно говоря, блондин с зомби не отличались гостеприимством. Они хотели запереть меня в спальне, но не сумели открыть внезапно захлопнувшиеся перед их носами двери. Сколькo парочка ни ломилась в комнату, ни ругалась и ни дергала за бронзовые ручки, войти не получилось. Единственное место, куда замок милостиво нас впустил, точно намекая, что гостей с дороги следовало накормить, оказалась столовая.

Несмотря на голод, я не собиралась брать в рот ни кусочка, даже если эти кусочки в меня запихивали бы насильно. Разве человек в здравом уме решится есть в безлюдном замке, открывающем двери по собственному усмотрению? Например, бутерброд с толстым ломтем копченой грудинки... Я сглотнула набежавшую слюну.

Створки распахнулись, и неожиданно даже для себя я выпалила:

— Не смейте меня кормить!

Блондин едва не выронил из рук фолиант и человеческий череп, а потом одарил меня угрюмым взглядом. Ворча на своем тарабарском, он приблизился к столу. Книга в переплете из дубленой кожи и с коваными уголками смачно шлепнулась на столешницу. Череп, правда, был пристроен аккуратно, с пиететом, как будто являлся частью давно умершего дедушки. Обнаружилось, что в нижней челюсти у бывшего родственника (или кем он там был?) не хватало двух передних зубов. Видно, роняли его неоднократно, возможно, при жизни. Мысленно я окрестила щербатого страдальца Егоркой.

А что? У каждого свои тараканы. Мне нравилось давать имена предметам. Кактус Толик, компьютерная мышка Кларочка, любимый офисный степлер Витенька. Господи, кто послушает, точно примет за сумасшедшую. Даже с дурдомом определилась, правда, не поняла пока, где он находился, но точно не в Китае.

В гробовом молчании блондин листал фолиант, потом что-то изучал, водя пальцем по странице. Когда он поднял голову, я вжалась в спинку стула и спросила:

— Что?

Он недовольно цыкнул, мол, молчи, женщина, твой день — Восьмое марта! Я немедленно прикусила язык. С серьезным видом блондин положил одну руку на Егорку, в смысле, на череп, другую — протянул в мою сторону. Невольно я заметила, что на раскрытой ладони краснели натертые мозоли. В тишине прозвучали резкие, отрывистые слова, и мне в лицо ударил поток теплого воздуха. Волосы взлохматились, в раззявленный рот что-то попало, и я закашлялась. Не знаю, чего недоделанный колдун пытался добиться, но вид у него стал ужасно печальный. Пожалела бы, если бы не хотела пристукнуть Егоркой по макушке.

Горячий фен он изображал еще три раза. Шевелил пальцами, словно дергал за невидимые ниточки, произносил стихи без рифмы. В общем, отчаянно ворожил, а на меня от скуки напала зевота, но приходилось держать рот закрытым, чтобы снова не проглотить какую-нибудь иномирную муху.

— Из какой дыры ты только вылезла, убогая? — растерев лицо руками, пробубнил блондин на чистейшем русском языке.

Чувствуя, что меняюсь в лице, я выпрямилась на стуле и поправила сползшее с плеч одеяло.

— Из той дыры, на языке которой ты сейчас меня обозвал, бессмертный.

От неожиданности он шарахнулся от стола. Складывалось ощущение, что из нас двоих именно я изобрела колдовство, чтобы запустить гугл-переводчик.

— И давно ты меня понимаешь?! — выпалил он.

— Не знаю, ты же молчал. — Я придвинулась к столу и спросила: — Вместо приветствия ты, может, уточнишь: где мы?

— В замке Мельхом.

Можно подумать, название абсолютно все объясняло.

— Что мы в замке, я и сама заметила. Как я здесь оказалась?

Блондин замялся. Замешательство красноречивее слов говорило, что он что-то знал, но скрывал.

— Сложный вопрос...

— Ты колдун? — решила я задать простой вопрос.

— Скоро стану.

— Значит, ученик, — догадалась я. — Послушай, ученик колдуна, лучше верни меня домой, потому что от меня толку никакого. Я давно не девственница.

На его лице вспыхнули алые пятна. Пришлось внести ясность:

— Вы ведь меня для обряда своровали?

— Никто тебя не воровал! — попытался он открититься от участия в похищении. — Ты сама попала... Так сказать, самовыкралась!

— Сама? — возмутилась я. — То есть я заснула в своей кровати, а проснулась в этом вашем замке по собственному желанию? В окне, значит, ты голыми телесами трясешь.

— Я не тряс, а потягивался, — как будто даже обиделся блондин.

— По коридору ходит живой труп, — проигнорировала я нестройный лепет.

— Хинч — не труп, а черный прислужник. Напугала человека до обморока! Из него чуть демон не вылетел! Теперь седмицу в постели пролежит. Он, между прочим, вторую сотню лет разменял. Никакого уважения к старости!

— Другими словами, я еще и виновата? — я опешила от неожиданной выволочки. И от кого? От похитителя!

Некоторое время мы молчали и недовольно переглядывались. На курсах личностного роста тренер говорил, что к человеку нужно было обращаться по имени, чтобы создать доверительную обстановку. Значит, будем создавать.

— Тебя как зовут? — спросила я.

— А тебя? — с подозрением прищурился он, словно иномирное имя являлось государственной тайной.

— Алина.

— Эверт Ройбаш.

— Так в какой стране мира мы находимся, Эверт? — мягко начала я подводить к тому, что сворованную девицу, раз от нее пользы как от козла молока, надо вернуть домой, желательно незамедлительно, пока она не заработала простуду на местных сквозняках.

— На пересечении миров. Внешнего, магического и необитаемого.

— С географией понятно, мы не в России и не в Китае, — вздохнула я.

— Где?

— В Караганде! — разозлилась я.

Эверт резко вжал голову в плечи и выставил в мою сторону скрещенные пальцы.